

— Тот Гай, что привел меня... он твой наставник? — Мацугами Шуто мельком взглянул на пациента, не отрываясь от записей.

— Нет, мы просто вместе были на задании, — Сино ответил сухо, стараясь максимально дистанцироваться.

Связываться с Гаем лишний раз не хотелось — его вечно бьющая через край экспрессия заставляла Сино испытывать невыносимый стыд за товарища. И все же где-то в глубине души он был благодарен джонину за то, что тот вытащил сюда врача. Пусть даже для него самого в этом было мало толку.

— Миссия вышла скверной. Противники были сильны?

— Не слишком. Но их было много.

— Что ты чувствовал, когда получал раны?

— Если тебе приятно, когда тебя режут, то и мне было в радость.

— Каково это — убить человека в первый раз?

— Никак. Либо он, либо я. Если бы он остался жив, умер бы я.

— Помню, в донесении сказано, что тебя зажали в кольцо.

— Верно. Иначе я бы не позволил себя ранить.

Мацугами еще какое-то время выводил что-то в своем блокноте, то замирая, то яростно чиркая по бумаге, после чего с сухим стуком захлопнул его.

— Что ж. С тобой всё в порядке. Психика на удивление стабильна, — бросил он и вышел.

Уже через мгновение из коридора донеслось его приглушенное ворчание, обращенное к Гаю:

— Слышь, Гай! Ты зачем меня дернул ради этого сухаря? Психологическая консультация ему, видишь ли... Да он вменяемее нас с тобой вместе взятых!

Сино уставился в потолок, изучая трещины на побелке.

«Похоже, у этого доктора явное раздвоение личности», — меланхолично подумал он.

За дверью маячил Киба. Увидев выходящего врача, он едва не лишился чувств от страха — доктор Мацугами своим видом не внушал оптимизма. Когда Гай попытался их познакомить, Инудзука лишь испуганно отшатнулся и, крепко сжимая в руке одолженный у кого-то нож, нырнул в палату.

— Сино, о чем этот тип с тобой толковал? — Киба всё еще помнил, как тот разозлился, когда он в прошлый раз сунул ему целое яблоко.

Теперь он решил исправиться. Усевшись на край стула, он сосредоточенно — до легкого сопения — принялся счищать кожуру, нарезаая фрукт аккуратными ломтиками.

— Да так, о задании. Со мной всё нормально, — Сино не поворачивал головы, послушно принимая поднесенный к губам кусочек.

Какко тут же спикировал на тарелку и с жадностью впился в сочную мякоть.

— А вот тебе, Киба, не мешало бы тоже провериться. Ты ведь тоже... впервые лишил кого-то жизни.

Киба даже не взглянул на него, отправляя в рот Сино следующую порцию.

— Да ладно тебе, пронесет. Ничего особенного я не почувствовал. Нас тогда так прижали, что либо ты рубишь в капусту всех вокруг, либо сам ложишься в землю. Времени на рефлексию просто не оставалось.

Он нарочито небрежно взмахнул кухонным ножом, словно подчеркивая свою стойкость, и тут же поднес к лицу товарища новый ломтик. Сино на этот раз качнул головой, отказываясь. Киба, не моргнув глазом, сам сжевал яблоко.

Сино, лишенный сейчас своих привычных темных очков, в упор посмотрел на друга. Он смотрел глубоко и пугающе пронизательно, словно видел Кибу насквозь.

— Ты уверен, что в порядке? Пока ты говорил, у тебя дрожали руки.

От Сино было не скрыться — его жуки, рассредоточенные по палате, служили идеальными датчиками. Каждое движение, каждый миг слабости Кибы были зафиксированы. Тот фальшивый жест ножом был лишь жалкой попыткой скрыть нервную дрожь.

Киба вдруг ссутулился, вся его напускная бравада осыпалась прахом.

— А что я могу сделать? — выдавил он, утыкаясь лицом в колени. — Мне до сих пор чертовски страшно. Одно дело — болтать об этом, и совсем другое — видеть, как они умирают. И ведь там

был не один человек...

Сино негромко вздохнул. Рано или поздно каждый ниндзя проходит через это крещение кровью. Киба держался молодцом, но реальность оказалась тяжелее ожиданий. Сам Сино после первого убийства не мог пить три дня и есть неделю — тогда все гадали, не неполноценный ли их «Искра номер один», раз так расклеился.

— Всё будет хорошо, — негромко произнес Сино.

Киба вздрогнул. В этом простом утешении было столько тепла, что он едва не разрыдался. Акамару, обычно шумный и суетливый, лишь тихо заскулил, зарываясь носом в складки одеяла. Наблюдать за тем, как вечно жизнерадостный Киба превращается в комок нервов, было почти физически больно.

Сино помедлил, а затем, преодолевая вспышку боли в обожженных, едва похожих на человеческие руках, дотянулся до головы Кибы и неуклюже взъерошил его волосы.

— Всё в порядке. Слышишь?

— Угу, — шмыгнул носом Киба.

Сейчас он выглядел на редкость беззащитным. Лица тех мертвецов, их предсмертные оскалы всё еще стояли у него перед глазами. Сино чувствовал, как его собственная рука тяжелеет — силы покидали его.

— Ну и физиономия у тебя, Инудзука, — Сино усмехнулся. — Иди умойся, на человека станешь похож.

Киба замер, затем быстро вытер лицо рукавом. Заметив на ткани мокрые пятна, он густо покраснел и пулей вылетел в туалетную комнату, примыкавшую к палате.

Оставшись один, Сино почувствовал, как затекшая спина отзывается тупой болью. Лежать пластом было невыносимо, но малейшее движение заставляло обгоревшую кожу гореть огнем. И всё же он решил, что лучше один раз перетерпеть резкую боль, чем медленно поджариваться на этой простыне. Решил сменить позу и перекатиться на бок.

Собрался с духом, рванулся... и в ту же секунду понял, что совершил фатальную ошибку.

Слишком резко, слишком неуклюже — и вот он уже летит на пол. Удар о жесткий линолеум вышиб из него дух, а следом пришла острая, колющая боль.

В туалете как раз замолкла вода. Киба, услышав грохот и звон в палате, выскочил наружу,

вытирая лицо на ходу.

— Киба, твою мать... Нож! Почему ты не убрал этот проклятый нож?! — прошипел Сино сквозь стиснутые зубы.

Он лежал на полу, и из его ладони, располосованной тем самым «фруктовым» тесаком, на который он так удачно приземлился, густо хлестала кровь. Киба в панике заметался вокруг, не зная, за что хвататься. Вместо того чтобы поднять друга или перевязать рану, он с криками вылетел в коридор звать на помощь.

«Ну что за идиот...» — Сино остался лежать в луже собственной крови.

Будь он чуть здоровее, он бы дотянулся до кнопки вызова, но сейчас он не мог даже пошевелиться. Кровь не останавливалась — после всех процедур и потери крови его свертываемость была на нуле.

Киба ворвался обратно через минуту, вихрем пронесся мимо Сино к кровати и наконец-то сообразил нажать на кнопку.

— Сино, держись! Сейчас, сейчас!

Он принялся лихорадочно отшвыривать в сторону нож и разбросанные вещи, совершенно позабыв о том, что под ногами у него лежит раненый товарищ. Хватило одного неосторожного движения: Киба зацепился ногой за Сино, потерял равновесие и со всего маху рухнул прямо на него.

— А-а-а-арх! — Сино взвыл так, что, казалось, содрогнулись стены.

Эта туша придавила его, выжимая остатки жизни. К боли от пореза добавился невыносимый жар — Киба был как раскаленная печка, а для обожженного тела Сино это было равносильно пытке.

Киба в ужасе попытался вскочить, но тут выяснилось самое скверное: пуговицы на его куртке намертво запутались в свежих бинтах Сино. Малейшее его движение — и бинты натягивались, буквально сдирая кожу.

— Не двигайся! Тварь, не шевелись! — Сино был готов сорваться на крик, хотя даже в момент слияния с материнским насекомым ему не было так больно.

И тут дверь распахнулась.

— А-а-а-а! — этот крик принадлежал уже не Сино.

На пороге замерли медсестры, привлеченные сигналом тревоги. Они застыли в неопишемом ужасе при виде того, в какой позе и в каком состоянии находились двое подростков на полу палаты.

Сино закрыл глаза. В этот момент он искренне желал, чтобы боль наконец вытеснила сознание.

<http://bllate.org/book/17391/1662252>